

Национальные отношения. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ В ЭТНИЧЕСКИХ АРЕАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ИСТОРИЧЕСКИЙ И АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

Автор: Е. Г. МУРАТОВА

Насущная необходимость модернизации в этнических ареалах Северного Кавказа настоятельно требует изучения с точки зрения соотношения элементов "традиционализма" и "модернизма" - двух основных моделирующих факторов региональной социально-политической структуры. Такой подход вполне соответствует современным теоретико-методологическим конструктам, в которых переосмыслена функция традиции в историческом процессе: она рассматривается не только как носитель некоего консервативного начала, но и инновационного потенциала. При этом фокус анализа сосредоточен на процессе социально-политической трансформации, поскольку как для всего российского общества, так и для его северокавказской периферии характерен мобилизационный тип развития, осуществляющийся за счет сознательного вмешательства в механизмы функционирования социума, сопровождаемого изменениями в институциональной сфере.

Речь в статье пойдет об этнических традициях общественной самоорганизации, рассматриваемых на примере одной из северокавказских республик - Кабардино-Балкарии (социально-регулятивные функции ислама, точнее, мусульманского права - отдельная тема исследования). В качестве ключевых периодов взяты вторая половина XIX в. и последнее десятилетие прошлого столетия, поскольку именно в эти временные отрезки в регионе существенно изменились пропорции внутренних и внешних факторов цивилизационных трансформаций: постоянно нарастая, влияние внешнего модернизационного воздействия, связанного с изменениями в политической и общественной жизни России, стало доминирующим.

Исторический опыт

Ко времени присоединения Северного Кавказа к России у народов этого региона сформировались достаточно зрелые формы политической самоорганизации общественных единиц. Многообразие этих форм несводимо к общепринятым образцам европейской государственности и поэтому не может рассматриваться в контексте формационного подхода как пережиток родового строя в рамках феодальной системы. О степени развития системы самоуправления у народов Северного Кавказа свидетельствует тот факт, что их властные институты осуществляли, хотя и без четкого институционально-

М у р а т о в а Елена Георгиевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета.

го разделения, все присущие им функции: законодательную, исполнительную и судебную [Шапсугов, 1994, с. 113].

В рассматриваемый период у народов региона присутствовала дифференциация форм социально-политической организации общества, воспроизводящихся по одним и тем же социальным образцам. С различными самоуправляющимися государственными образованиями авторитарного (Мехтулинское ханство, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство - в Дагестане) и олигархического типа (Кабардинское, Бесленевское, Бжедугское, Жанеевское и другие княжества) соседствовали демократические союзы общин ("вольные общества" горного Дагестана, Чечни, Ингушетии, Западной Черкесии). Но несмотря на типовое многообразие политического устройства, низовой социальной ячейкой во всех северокавказских государственных образованиях оставалась сельская община, чья структура складывалась из патронимических кланов и индивидуальных семей.

Номинально высшим органом общины считалось собрание всего взрослого мужского населения. Главными административно-должностными лицами сельских обществ были старшины, как правило, выходцы из знатных и богатых родов. Им принадлежала публичная власть. На всем Северном Кавказе важнейшую роль в системе общественного самоуправления играли старейшины. Они доминировали в народном собрании, их мнение имело решающее значение по всем вопросам общественной жизни. Совет старейшин был наиболее оперативным органом общины. Он решал хозяйственные, организационные, бытовые вопросы, часто выполнял судебные функции. "Верховными охранителями спокойствия и порядка" называли старейшин кавказоведы. Принцип старшинства соблюдался и при наследовании исполнительной власти.

Активизация в начале XIX в. российской политики с целью форсированного присоединения северокавказских территорий и их населения поэтапно распространила на них общегосударственную систему управления и законодательство. Однако первое мощное модернизирующее воздействие традиционная политическая практика народов Северного Кавказа испытала только после окончательного завоевания региона - в ходе административных реформ 1860 - 1870-х гг. Тогда-то и возник вопрос о местном самоуправлении, резко усиливший интерес к традиционным общественным институтам горцев, и начали рассматриваться возможности их инкорпорирования в административно-политическую систему Российской империи.

По справедливой оценке американского историка Э. Райбера, русское управление Кавказом гораздо больше, чем британское владычество в Индии, строилось с учетом особенностей общественно-экономического уклада жизни других народов [Rieber, 1966, с. 97]. И действительно, кавказская администрация стремилась адаптировать дороссийские институты самоуправления без резкой, радикальной ломки. Хотя новая система административного контроля над горцами и называлась "военно-народным управлением", сущность ее заключалась в максимально возможном сохранении привычных для местных жителей порядков. Прежде всего "туземное население" управлялось не по законам империи, а по "народным обычаям и особым постановлениям". Кроме того, суд над "туземцами" осуществлялся местными "народными судами" главным образом по адату (обычное право), в отдельных случаях - по шариату или "по особым постановлениям". Естественно, подобные вещи проходили под надзором военной власти: каждый российский администратор, будучи начальником всех войск, расположенных в его районе, имел право употреблять военную силу "в случаях, не терпящих отлагательства" [Положение... 1862, с. 497 - 502].

Подобная управленческая схема сохранялась и в последующее время. Так, в проекте "Правил об управлении аулами Терской области" четко прослеживается стремление приблизить местное самоуправление в горских обществах к административным нормам центральной России, и вместе с тем очевидна попытка приспособить для этих целей его исторически сложившиеся формы. В частности, "аульные владельцы", которые, как того требовал обычай, были обязаны заботиться о благосостоянии жителей своего аула, назначались на должность старшины, а в случае несоответствия такому назначению ад-

министративные обязанности передавались их родственникам. Кроме того, на Северном Кавказе воссоздавались и такие институты, как Съезд доверенных сельских обществ¹. В пореформенный период в сферу деятельности Съезда доверенных входили лишь хозяйственные вопросы и выборы членов окружного суда.

Российская администрация не сочла нужным в одночасье ликвидировать и общенародные собрания, но резко ограничила их права и функции. После введения Положения об аульных общественных управлениях (1870 г.) общинный сход как институт претерпел значительные изменения. Сходы в основном стали собираться по инициативе органов местной власти, сельскими старшинами, приставами и, как правило, принимали решения, уже заранее определенные кавказской администрацией. А приговоры общественных сходов, составленные по единому формуляру и мало чем разнящиеся между собой, стали своего рода данью демократическому прошлому этого органа.

Важно отметить, что хотя в Положении, регламентировавшем нормы административного самоуправления в горском обществе, не нашлось места для законодательно закреплённого совета старейшин, но на практике он продолжал существовать. Постепенно его деятельность свелась к решению бытовых вопросов. Но длительное сохранение этого традиционного института общественного самоуправления говорит о его важной роли в системе власти минувшей эпохи.

Во второй половине XIX в. российская администрация большое внимание уделяла устройству аульного суда. Согласно положению, он состоял из аульных судей, избравшихся общественным сходом. Разбор дел эти суды проводили словесно по жалобе истца или по требованию старшины. Основная масса дел решалась на основе существовавших адатов, а дела "совести" и бракоразводные - по шариату. Другими словами, адат выступал как устоявшаяся юридическая основа, восходящая к этническим традициям и обычаям. Используя его в качестве краеугольного камня системы судоустройства и местной администрации, правительство России не просто стремилось обеспечить соответствие новых форм самоуправления традиционным представлениям горцев. Оно целенаправленно противопоставляло его шариату, считая, что в отличие от мусульманского права "адат, не имея начала духовного, беспрепятственно может покориться изменениям" [Акты... 1904, с. 1287]. И когда для применения адатных установлений не было оснований или прецедентов, суды использовали общеимперское законодательство.

Точно так же сохранялись традиционные практики судебного разбирательства. По-прежнему существовал суд посредников, где использовалась особая система доказательства - очистительная присяга. В результате процесс судебного разбирательства, вследствие не всегда органичного сочетания российских законов с местными адатами, принимал причудливые формы. Это свидетельствовало о том, что к концу XIX в. архаичная практика медиаторских судов устаревала, но выстраиваемая параллельно ей система российских судебных органов, постепенно входя в обыденную жизнь горских народов, выступала как новый регулятор порядка и законности.

Таким образом, дореволюционный опыт управления Северным Кавказом показал, что в условиях установления колониальной администрации и соответствующего правопорядка северокавказские общественные и судебные институты обнаружили значительную адаптивность к меняющимся историческим реалиям при сохранении целостности основ своей традиционной социальной организации. В русле общероссийской модернизации система самоуправления региона во второй половине XIX в. подверглась существенным изменениям. Деятельность сохранившихся горских органов общественной власти стала все более регулироваться кавказской администрацией. Но надо учитывать, что воздействие внешнего фактора в то время не приобрело жесткого, проникающего в их недра характера. Выраженное стремление российских властей унифициро-

¹ Некоторые исследователи считают, что исторически ему предшествовало общенародное собрание (у кабардинцев такой орган назывался "Хасэ", у балкарцев - "Тере") - публичная власть, генетически связанная с архаическими формами парламентаризма.

вать социальные структуры народов Северного Кавказа реализовывалось постепенно, с максимальным учетом региональных особенностей [Rhinelander, 1975, p. 218]. Однако возрастающая "открытость" традиционных социальных институтов, зависимость их воспроизводства и функционирования от общероссийского социально-политического контекста объективно выдвигали на первый план проблему их цивилизационного соответствия. Эта проблема была связана не просто с углублением интерессоциальных и межкультурных взаимодействий, но и с параллельным процессом модернизации российского и северокавказского общества.

Политико-административная интеграция России с ее северокавказской периферией подразумевала углубление указанного процесса и выражалась в распространении на Северном Кавказе новых для региона социокультурных образцов и экономических отношений. Безусловно, применительно к этнокультурным комплексам местных народов империя выступала в качестве носительницы идеалов европейской цивилизации и прогресса. Однако для традиционных сообществ это была внешняя сила, разрушающая сложившийся уклад жизни во имя достижения относительной однородности сложного, многосоставного российского социально-политического пространства. Поэтому интеграция порождала социокультурную инверсию - встречный поток развития архаических и традиционалистских ценностей, отдаленные последствия которой, как представляется, ощущаются и по сей день.

И все же необходимо подчеркнуть, что благодаря взвешенной и осторожной политике России, лишенные суверенитета национальные территории сохраняли под контролем центральной власти уровень самоуправления, необходимый для поддержания устойчивости локальных сообществ. И именно учет этнической специфики и многообразных форм и традиций местной социальной организации при достаточно жестком, унифицированном общероссийском администрировании был главным достоинством государственной системы управления Северным Кавказом, уничтоженной в 1917 г. социалистической революцией.

В ходе национально-государственного размежевания и советского строительства остатки традиционного самоуправления были ликвидированы как "пережитки феодального прошлого". Их на многие десятилетия номинально заменила единая система советов, а реально - всевластие райкомов. Эта ситуация стала меняться только с конца 1980-х гг. в контексте демократических преобразований сперва в СССР, затем в Российской Федерации.

Мобилизованная традиция: современный этап

Как известно, идеология радикальных реформ постсоветской России строилась на абстрактных принципах экономического и политического либерализма. Возможность их модификации в соответствии со спецификой различных социокультурных контекстов не принималась в расчет. В результате политическая либерализация рубежа 1980 - 1990-х гг., ориентированная на стандарты западной демократии, парадоксальным образом принесла народам Северного Кавказа ренессанс традиционных общественных институтов.

Поскольку попытки распространения на Кабардино-Балкарскую Республику (КБР) "президентского опыта" и других новых политических институтов, осуществлявшиеся на фоне радикализации ислама, были встречены частью общественности как выступление "против естества", в республике активизировался поиск своих собственных форм эффективной власти и управления, адекватных национальным традициям. Реальные основы демократии и коллегиальности в управлении обществом были обнаружены в далеком прошлом. Историческая память сохранила представления о том, что до российского правления общественно-политическая жизнь Кабарды и Балкарии регламентировалась неписаными законами: *адыгэ хабзэ* - у адыгов и *тау адет* - у балкарцев. Для обсуждения различных вопросов местного значения созывались народные собрания, а для решения общих проблем народов - съезды-советы князей и уорков. На этих фору-

мах по старшинству, "по обычаю" избирались по очереди старшие князья. Впрочем, на практике призывы использовать опыт и традиции далеких предков при формировании органов управления выливались разве что в предложения переименовать КБР в соответствии с самоназваниями ее титульных наций - в Адыгэ-Таулу Республику, представительный орган - в меджлис, а муниципальные органы самоуправления - в хасэ, тере, думу, круг (по желанию жителей городов и сел). По мнению поборников традиционализма, такие изменения названий республики, парламента и пр. "психологически настроили бы людей на принципиальные изменения в их содержании" и положили бы начало реформированию политической системы [Шогенов, 1991].

Власти республики старались учитывать подобные настроения, однако попытки ревитализации архаичных социальных структур не дали выраженных позитивных результатов. Так, действуя в духе времени, республиканские органы власти предприняли практические шаги по возрождению института влияния старших на младших: официальный статус получили советы старейшин, ветеранов войны и труда и т.п. Цель этого была чисто прагматическая: использовать авторитет стариков как неформальных политических лидеров при проведении различных общественных кампаний. Ведь для народов Кабардино-Балкарии почитание старших - не просто общечеловеческая норма поведения, но особая культурная и психологическая установка, известная далеко не у всех современных народов. Особое уважение, которое в КБР и поныне питают к старшим, - наследие общественно-политической формы традиционного "гражданского" самоуправления в горском обществе, а не отзвук естественно-социальной роли старших в примитивных обществах.

Пресса КБР публиковала обращения, реплики, мнения Советов старейшин практически по всем острым политическим вопросам. Так, во время политического кризиса сентября 1992 г. последовали просьбы и обращения Советов старейшин по урегулированию обстановки в республике. В апреле 1993 г. на заседании Нальчикского городского совета старейшин было принято обращение к гражданам КБР по вопросу о Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 г. В нем содержался призыв проголосовать за досрочные выборы Президента Российской Федерации. Но, хотя в глазах местного населения деятельность Совета старейшин имела определенный вес, поскольку такие действия соответствовали обычному повседневному мироощущению людей, она не изменила ни вектор республиканской политики, ни социальный климат КБР².

Типологически сходной была ситуация с попытками воссоздания традиционных органов местного самоуправления. Такого рода предложения возникли, например, в 1993 г. в процессе разработки положения о парламенте КБР. Еще до Указа Президента РФ N 1400 о роспуске Советов всех уровней эта точка зрения была зафиксирована в "Декларации о принципах межнациональных отношений на Северном Кавказе" (принята в январе 1993 г. на "круглом столе", прошедшем в Пятигорске под эгидой Совета национальностей и Госкомнаца). Статья 13 этой Декларации в качестве одного из принципов межнациональных отношений определила "поощрение местных традиционных форм самоуправления, не противоречащих действующему законодательству". Руководство КБР позитивно отнеслось к этой идее, поскольку ее реализация, по словам вице-президента республики Г. Губина, способствовала бы экономии бюджетных средств, выделяемых на содержание аппаратов, местных советов: "Логично иметь в селе одного руководителя... А при нем - на общественных началах - что-то вроде совета старейшин из нескольких самых уважаемых человек, с совещательными функциями" ("Советская молодежь", 22 октября 1993 г.).

Научная общественность республики в принципе позитивно отнеслась к подобной идее: поиск путей становления демократии мог осуществляться и посредством возрож-

² Не случайно посредничество старейшин, к которому российские власти часто прибегали в ходе разрешения многочисленных межнациональных конфликтов в Северо-Кавказском регионе, во многих случаях не было успешным.

дения традиционных основ функционирования общества (восстановление горских обычаев, использование влияния религиозных деятелей и старейших представителей крупных родов и т.п.). Для решения этой задачи парламенту КБР давались рекомендации разработать специальное положение о создании в каждом населенном пункте республики специальных органов с участием представителей всех крупных родов, администрации, депутатов [Мамбетов, 1999, с. 3].

Со второй половины 1990-х гг. организационное оформление родовых содружеств самых многочисленных кабардинских и балкарских фамилий стало достаточно широко распространенным явлением общественной жизни КБР (например, у кабардинцев оформились родовые содружества Кушховых, Шебзуховых, Кардановых, у балкарцев - Ульбашевых). Своей целью они провозглашали установление братских взаимоотношений между различными ветвями рода, дальнейшее развитие и укрепление родовых традиций, следование этическим нормам кодекса "Адыгэ Хабзэ" и "Тау Адет". Воссоздание таких родовых объединений парадоксальным образом сопровождалось их далекой от традиции формализацией и отчасти бюрократизацией: выборами координационных комитетов, сбором анкетных данных, составлением Устава и Программы, созданием благотворительного фонда, оформлением герба и флага.

Открытость постсоветской республиканской политической системы для взаимодействия с традиционными общественными институтами вкупе с модернизацией последних, выразившейся в многочисленных заимствованиях из практики современных демократических процедур, принесла определенные плоды. Родовые содружества стали активно участвовать в общественно-политической жизни республики. Так, во время предвыборных кампаний 1996 и 2000 гг. в КБР они оказывали определенное влияние на своих членов с целью поддержки того или иного кандидата. Именно через представителей содружеств тогда и теперь осуществляется пропаганда основных идей политических движений и партий. При правильном отношении эта система может сыграть роль стабилизатора общественно-политической ситуации в республике, сглаживая исламский радикализм, распространяющийся среди молодежи.

По-иному пошло развитие организаций неотрадиционалистского типа, в чьей деятельности традиция играла некую структурообразующую роль. В конце 1980-х гг. в КБР возникло множество подобных общественно-политических объединений: балкарских - Народная общественная организация "Тере", Съезд балкарского народа, Национальный совет балкарского народа, Лига возрождения Балкарии, молодежная организация "Ант", фонд "Балкария"; кабардинских - "Адыгэ хасэ", Съезд кабардинского народа, Конгресс кабардинского народа, Адыгский национальный конгресс, движение "Кабарда"; русскоязычных - общественные объединения "Славяне" и "Россияне", Терско-Малкинский отдел (община) Терского казачества. Подавляющее большинство этих объединений и движений демонстрировало укорененность в национальной исторической традиции, стремясь использовать в современных условиях отдельные социальные конструкторы прошлого.

Сами их названия - "Хасэ", "Тере" или "казачий круг" - содержали символические, знаковые аналогии с архаичными формами регламентации общественной жизни. В программных документах упомянутых движений в той или иной мере предусматривалась актуализация ряда традиционных социорегулятивных ценностей и норм. Так, в уставе объединения "Славяне" подчеркивалось, что оно "проявляет заботу о возрождении вековых традиций, общинного хозяйствования на селе, патриотизма, межнациональной дружбы, куначества, укрепления нравственно-бытовых устоев славянской семьи, соблюдения обычаев обрядности, уважения к старшим, милосердия" [Этнополитическая... 1994, с. 74]. Аналогичным образом среди уставных задач "Тере" содержалось положение "способствовать воспитанию подрастающего поколения в духе традиционных этнических ценностей и нравственно-этических устоев балкарского народа и народов нашей республики" [Устав... 1990, с. 3]. Важность подобных установок состоит в том, что в северокавказском регионе традиционные этикетные нормы выполняли в прошлом гораздо более широкие функции, чем это подразумевается современным "узким" понимани-

ем этикета. Они выступали как всеобъемлющие правила жизнедеятельности и поведения людей, как значимый социальный фактор.

Не менее существенно, что всевозможные "съезды народов" и образованные ими постоянные органы (национальные советы или конгрессы) на определенном этапе функционировали как институты политической системы, так или иначе претендуя на осуществление властных полномочий. Могло показаться, что исторические формы организации общественной деятельности и управления оказались "инкрустированы" в современную государственно-политическую систему. Но реальный социально-политический контекст, а также социоструктурные и социокультурные характеристики всего гражданского сообщества Кабардино-Балкарии и отдельных его этносоциальных составляющих к концу XX в. кардинально изменились по сравнению с традиционной эпохой. Это обстоятельство во многом предопределило эволюцию и конечную судьбу большинства "неотрадиционалистских" организаций и движений.

Если в конце 1980-х гг. в их деятельности превалировало культурно-возрожденческое направление, то уже в первой половине 1990-х гг. его вытеснили вопросы современной политики: государственное самоопределение и суверенитет, экономическая самостоятельность и пр. В программных документах и практической деятельности общественных организаций, созданных на этнической основе и пытавшихся моделировать традиционные общественные институты, национально-политические установки возобладали над социокультурными и гражданскими. Например, активность балкарских общественно-политических организаций концентрировалась в направлениях: оценки преступлений сталинского режима как геноцида балкарцев и соответствующих требований о "полной" реабилитации балкарского народа; развития идеи о праве на самоопределение и территориальном разграничении; достижения паритетного представительства этноса во всех официальных учреждениях КБР. Аналогичным образом выглядели в тот же период актуальные задачи кабардинских общественно-политических объединений: оценка колониальной русско-кавказской войны как геноцида адыгов; разрешение абхазо-грузинского конфликта и помощь абхазскому народу, а также осуществление мер по общеадыгской этнополитической консолидации. А идея паритетного представительства кабардинского народа во властных структурах полностью повторяла формулировку балкарцев.

Эффективность "неотрадиционалистских" общественно-политических организаций и движений в современных условиях оказалась весьма неоднозначной. Безусловно, Национальный совет балкарцев и Конгресс кабардинцев оказали влияние на содержание и динамику общественно-политического развития, выступая как постоянно действующие органы представительства и волеизъявления этносов, рассматривая важнейшие вопросы всех сфер жизни своего народа, включая разработку некоторых государственно-правовых программ. Но дальнейшее развитие и функционирование таких институтов непосредственной демократии могло идти либо по линии противопоставления официальным структурам с целью их смещения, либо по линии сотрудничества с ними с целью вхождения в политическую систему общества. Естественно, возобладание той или иной тенденции зависело и от отношения к съездам народов со стороны государственных органов и их способности к диалогу. До 1993 г. в деятельности народных объединений преобладала первая тенденция, далее наступило время сотрудничества: их стали рассматривать как новые элементы политической системы, чьи функции и властные полномочия наряду с полномочиями государственных органов были отражены в законодательстве [Шапсугов, 1994, с. 126].

Однако на практике все обстояло значительно сложнее. В деятельности общественно-политических структур, создаваемых по этническому принципу, присутствовали естественные изъяны. Созданные активистами соответствующих национальных движений на основе традиционалистских организационных принципов, а не ясных и демократических избирательных процедур, они не имели правовых оснований высказываться от имени своих народов. Это порождало их усеченную представительность и недостаточ-

ную ответственность ни перед своим этносом, ни, тем более, перед представителями других народов.

Социологически такая амбивалентность национальных общественно-политических организаций объясняется этноцентризмом - универсальным свойством человека рассматривать все явления окружающего мира в масштабе ценностей этнической группы, к которой он принадлежит. Поэтому не удивительно, что проекты общественного переустройства, исходившие от этих организаций, строились, как правило, на принципах приоритета этнических интересов. Увы, также естественно, что и в условиях демократии развитие подобных институтов сопровождается их олигархизацией. Верхушка и управленческий аппарат отрываются от рядовой массы, превращаясь в один из отрядов местной интеллектуальной элиты, отдельные группировки которой враждуют друг с другом и противодействуют существующей властной элите, тогда как основная масса сторонников движений остается неосведомленной о политических целях и делах своих лидеров.

В этом и состояла суть слабости "неотрадиционалистских" организаций. Поэтому, несмотря на регулярно проводившиеся заседания консультативного Совета по вопросам взаимодействия органов власти с политическими партиями и общественными движениями, правительство КБР принимало решения в соответствии с общероссийскими нормами и моделями, зачастую игнорируя мотивы, к которым апеллировали лидеры национальных движений. Правда, иногда намерения обеих сторон могли совпадать, как было, например, с роспуском советов всех уровней. Осознав ситуацию, некоторые из основателей современных общественных организаций приняли точку зрения, что этническим движениям следует либо самоликвидироваться, либо трансформироваться в объединения сугубо культурной ориентации.

* * *

Оценивая современный этап синтеза элементов традиционной социально-политической структуры с новациями экзогенного происхождения, привнесенными модернизацией российской политической системы в целом, целесообразно отметить следующее. Жители КБР оказались одновременно втянутыми в различные системы социально-политических связей и отношений. Одна из них выросла из традиционной культуры, другая формировалась на принципах современного западного гражданского общества. Неустойчивая политическая и экономическая ситуация стимулировала тот или иной полюс связей, вызывая то подъем, то упадок активности традиционалистских общественных институтов. В таком контексте общественно-политическая динамика КБР последних десятилетий может быть интерпретирована как процесс обретения местным социумом новой политической идентичности. И ее структура, и процесс становления в значительной степени отражают актуализацию и мобилизацию комплекса традиционных ценностей, социальных ролей и институтов, ментальных структур и типов социального действия.

Здесь необходимо указать на важность историко-социологического анализа проблем современной региональной политики, ибо указанный традиционалистский комплекс в течение XX в. претерпел глубокую внутреннюю модификацию и соответствующую дифференциацию функций. Можно выделить несколько основных его подсистем, по-разному влиявших на общественно-политические процессы в КБР.

Во-первых, это ценностно-нормативная подсистема традиционной культуры, существующая в массовом сознании в виде набора идеальных моделей, принципов и норм, которая играет роль объединяющего культурного символа. Его высокий ценностный статус формально признается всеми, но желательность и возможность полного восстановления его социорегулятивных функций отстаивается сравнительно узким кругом национально-ориентированной интеллигенции.

Во-вторых, это элементы традиционализма, которые сохранились в модифицированном виде - органических ячейках и структурах общества, не подвергшихся разрушению в предшествующий период: семейно-родственных, соседских, общинных.

В-третьих, это традиционалистские компоненты политической культуры как основной массы кабардинского и балкарского населения, так и региональных элит. Среди них стоит выделить:

- приоритет социального капитала, то есть "естественных" этнических, родственных, земляческих связей над любыми иными (идеологическими, политическими, профессиональными);
- лояльность к тем, кто занимает более высокие позиции в существующих иерархических структурах;
- склонность к применению традиционных процедур для разрешения конфликтов;
- предпочтение неформальных личных отношений как средства решения проблем апелляции к формальным структурам или "законничеству" и т.д.

Для народов КБР также характерно практически полное взаимное соответствие матрицы традиционной социокультурной системы и этнического самосознания. Установка на полное восстановление возможностей этнокультурного воспроизводства как бы "требовала" ревитализации соответствующих традиционных институтов и ролей. И напротив - национальное самоопределение и суверенитет воспринимались как условие "возрождения" традиционной культуры.

Таким образом, в общественно-политических процессах последних лет в той или иной мере сыграли свою роль два типа "традиционных" социальных институтов. Наибольшую активность проявило множество "неотрадиционалистских" организаций и движений, которые внешне были построены по типу архаичных социально-политических институтов. Эти организации, претендуя и на выполнение соответствующих функций в современных условиях, то есть на обладание институциональным статусом, на деле выступали инструментами передела политического влияния и власти. После некоторой перегруппировки внутри властной элиты они потеряли свое значение и в большинстве своем или сошли с политической арены, или вернулись к своим истокам, занявшись возрождением национальной культуры.

Менее заметную роль в формировании новой модели региональной политики играли собственно традиционные общественные институты северокавказских народов. Однако в условиях нынешней нестабильности было бы недальновидным считать их несовместимыми с дальнейшей модернизацией, с развитием в регионе реального федерализма и демократии, рассматривая их как исчерпавший себя вызов архаики. В длительной перспективе они, вероятно, могли бы сыграть более фундаментальную роль в процессе стабилизации социально-политической ситуации и удержании населения, особенно молодежи, в правовом поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Тифлис, 1904.

Мамбетов Г. Х. Возрождение нравственных сторон адыгского этикета - не помеха развитию демократии // Кабардино-Балкарская правда. 1999. 21 сентября.

Положение об управлении Терской областью. 29 мая 1862 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVII. Отд. I, ст. 38326.

Устав общественной организации "Тере" // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 24 июля.

Шансугов Д. Ю. Местная власть в России и Германии. Ростов-на-Дону, 1994.

Шогенов А. Дорога, которую мы выбираем // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 20 ноября.

Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. М., 1994. Т. 2.

Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.D. Bariatsinski. 1857 - 1864. The Hague. 1966.

Rhineland G.H. Russia's Imperial Administration of the Caucasus in the First Half of the XIXth Century // Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17.